

Иван Филин

Безгрешный

Трилогия. Книга вторая.

Шамо – посланник
небес

Иван Филин
Шамо – посланник небес
Серия «Безгрешный», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8206481

Аннотация

Он не ангел и не человек, он пришел в этот мир, что бы спасти его от хаоса и власти демонов, которые даровали власть избранным – повелителям стихий. Повелители объявляли себя правителями всех земель – богами. Придя к власти, повелители очень быстро превратят этот мир в ад. Шамо смог остановить их, исполнив свой долг, он должен был покинуть этот мир, но его спасают от смерти и вечного заточения.

Содержание

Пролог	5
Священные пещеры	8
В путь	18
Начало пути	21
Любовь в сердце твоём	28
Первая битва	34
Встреча с рыбаками	39
Художник	51
Смерть Бая	65
Кузнец	70
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Иван Филин
Шамо – посланник небес
Безгрешный. Трилогия.
Книга вторая

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пролог

Житель небес, что обладал тремя силами – любовью, прощением и добром, и сам пребывал в незримом сиянии, от которого и назвали его Лучезарный. Обратил взор свой на этот мир, и увидел красоту его, и тех, кто живет в нем. И решил он спасти этот мир от власти демонов, которые прибирали к себе души людей. И наслал на мир весь благодать свою.

Но долго ли люди смогут покоиться в ней, как долго они не оскорбят взора Лучезарного, и не предадут его дара. Не выдержав безверия и творимого людьми зла, огорчился Лучезарный.

Мало осталось людей, способных управлять своими желаниями, своей судьбой, все больше тех, кто не зная себя, поддается искушениям и смерти, которая не освободит его от желаний и кары за сотворенное зло. Предали люди благодать Лучезарного, поменяв благодать его на дары демонов, поменяв свободу на рабство.

И уже пропала свобода, что была у людей до этого, и забыли люди радость и покой. Затмился взор Лучезарного, не вытерпев предательства. Не понимая, как свободу и благодать можно поменять на временное и ненужное. И услышал я глас его.

– Спасайтесь сами!

Но не проклял он людей, не оставил своего решения. И

смотрел, как предадут его, не творя добро, а совершая зло, укрепляя власть демонов. Но не оставил он своей воли и дал людям любовь, чтобы те любили и жили. Но не приняли люди дар божественный. И затмили взор Лучезарного слезы, и сказал он:

– Страдать будете.

Но не вняли голосу его люди. И даровал Лучезарный силу свою – добро, но и этот дар не приняли люди. И тогда безмолвно дал он последний свой дар, какой только мог дать – жизнь свою и свет, что отличает людей от ангелов, небожителей. Но не был принят и этот дар, только некоторые увидели его, но было их немного.

– Пощади, не их вина. Просил я Лучезарного.

– Не всех смогу простить. Гнев свой не могу унять.

– Прости их, еще прошу, не карай их за слепоту, а гнев свой во мне оставь.

– Ты гнев мой, иди.

Так принял я судьбу свою, но гнев что мной был принят, утешал я прощением своим. И знал я, что нет больше счастья для меня в том мире. И нет больше для меня судьбы другой, кроме как проявлять гнев Его. На кого гнев Его падет, к тому и я приду, неся свою судьбу с собой.

И больше не видел я свободы и радости среди людей, никто из полубогов не насылал благодати своей на этот мир, никто не осмеливался взор свой сюда направить. И закрыли тучи небо, и хаос ворвался в мир. И взмолился я к нему.

– Прости их и карай меня одного, как их всех.

Но не внял он мольбе моей и не остановил хаос. И приходили демоны, и даровали людям власть, и не было ей границы. И не оставалось в людях ничего человеческого. Но не мог я смотреть на это, и отдал силу свою, что была бессмертием, и остановил этим демонов. И ушли демоны в миры свои бессмертные, чтобы править там вечно. И кончился хаос, и вновь услышал я глас Его.

– За сострадание твое дарую людям веру. И гнев, что мог ты на себя принять теперь с тобой. А теперь иди, отдавший бессмертие, к людям и спасай их.

И вновь увидел свет я, и понял, что стал человеком, и власть имею над силой земли и гнев Его во мне. Сам же Лучезарный, хоть его и не было, но был он. Силы свои получал из веры и любви человеческой, а если не было этого, то и самого Лучезарного не было.

А как поверят люди в свет его и любить будут, когда зло могут остановить не только в себе, но и в других, тогда и вернется сила к Лучезарному, и будет он светом своим и добром все миры озарять.

Священные пещеры

Долгое падение никуда. Темнота кругом и более ничего. Не существовало пространства и времени. Только ощущение движения, это все что я осознавал, все, что я знал и чем жил. Потом я почувствовал резкую боль и шок.

Новое и непонятное чувство. Не было той свободы, той естественной безграничности, в которой я жил. Казалось, меня заперли, отняв все, оставив только лишь маленький кусок пространства, из которого я уже не мог выбраться.

Боль пронизывала мое сознание, – оживали нервные клетки моего тела, в котором я только что появился.

Через некоторое время я смог открыть глаза и немного чувствовал тело, в котором мне было все еще необычно, боль понемногу утихала.

Темнота и тишина окружали меня, но теперь пространство и время явно существовали. Я уже не мог передвигаться со скоростью мысли, я стал человеком.

Я вернулся в тело, которое оставил в этом мире много веков назад.

Сейчас я мог покинуть его, если что-нибудь будет не так. Одна моя мысль, и меня пронзило озарение – всё пути назад нет. Теперь я уже не смогу покинуть этот мир, смерть – это ворота в другой мир, но после смерти я уже буду другим и никогда не вернусь обратно в мир лучезарных полубогов.

После озарения я потерял сознание, значит, первый шаг был удачным. Когда я очнусь, организм заработает, как часы, это тело не могло быть больным. А пока моё сознание впитывало информацию о том мире, в котором я очутился.

А потом увидел сон. Конечно, бывают намного более приятные видения и более реальные. Но я был рад, значит, все прошло на самом деле хорошо, я стал человеком, самое трудное было позади, дальше каждый мой шаг или действие зависели только от меня.

– Прощай, но приходи, я буду ждать тебя, даже если ты вернешься другим, все равно приходи.

– Я вернусь, как только сделаю все что можно. Прощай.

Таково было моё прощание с самым дорогим мне существом из мира Лучезарного, божественной и веселой эльфийной Юйюй.

А также с миром небожителей, таким непохожим на мир людей, в котором я сейчас оказался.

Я уже слышал стук сердца и знал, что в моих венах течет кровь. Движения были слабыми, рукой я нащупал продолговатый предмет, он был тяжелым, и я с трудом смог выкопать его из сыпучей земли. Больше я ничего не обнаружил, темнота пугала своей неизвестностью, я ничего не видел.

Пещера была маленькой, выхода я не нашел, возможно,

его засыпало, двигаться очень не хотелось, но в то же время мне нельзя было медлить. Еще раз обследовав всю пещеру на ощупь, я решил, что продолговатый предмет является знаком и должен указывать на выход.

Я начал копать землю отросшими ногтями, в том направлении, куда он указывал. Земля была сухой и легко рассыпалась, я легко пробил большую дыру в другую пещеру. Тут же я почувствовал дуновение ветра, едва заметное. Взяв знак с собой, я пролез через узкое отверстие, попав в более широкую пещеру.

Я был подобен насекомому, каждое движение которого не было лишним, а каждое знание единственным. Я хорошо знал, в каком направлении выход, и что делать, чтобы его найти. Блуждал некоторое время в темном лабиринте узких пещер.

В очередной раз, оказавшись у земляной стены, я уже не мог прорыть ее руками, земля была сырой. Пришлось пробивать себе путь продолговатым предметом, с третьего удара он ушел в стену, я выпустил его из рук. Свежая струя воздуха ударила в моё лицо. Разрыв руками лаз, я выбрался из пещеры.

Темная и безлунная ночь встретила меня еще не знакомыми звуками и видами этого мира. От слабости я не мог подняться, прополз немного вперед и упал, встретив лицом что-то холодное и мокрое – вода. Обезвоженный сухой организм нуждался в ней, я с головой погрузился в приятную

прохладу и начал понимать, как приятно быть человеком. Я пил и пил, лишь иногда поднимая голову, чтобы сделать глоток живительного воздуха. Напившись, я уснул прямо в воде, ощущая, как тело впитывает воду, словно губка, становясь наполненным жизнью и силой. Голова лежала на мелкой гальке.

Утреннее солнце радовало и приятно грело, воздух был наполнен ароматами, все в этом мире мне казалось прекрасным и удивительным. Я не отходил далеко от воды, все время чувствуя жажду. Еда мне понадобится только через несколько дней, когда организм выйдет из многолетней спячки. Моё худое и немного согнутое тело еще не выпрямилось, я мог с трудом двигаться.

Я осматривал мир впервые, здесь мне суждено прожить довольно долго. Мне он понравился: чистое и глубокое небо, прохладная вода и теплое солнце. Все это казалось знакомым и приятным.

Осматривая себя, я увидел серое и морщинистое тело – кожа и кости, длинные волосы. Но это было временно, потом тело нальется жизнью и силой. И я уже ничем не буду отличаться от других людей.

Место, в котором я находился, было труднодоступным для них. Тайна моего появления должна остаться со мной навсегда.

Мой взгляд упал на продолговатый предмет. Он лежал на земле. Я с трудом поднял его, когда я понял что это, из моей

груди вырвался тихий стон ужаса и изумления. Это был меч – орудие убийства. Все вокруг меня перевернулось, душа завыла страхом боли, все прекрасное и невинное, которое я увидел в этом мире, моментально пропало.

«Свою судьбу – «проклятие» – бери с собой», – прочитал я надпись, сделанную на рукоятке меча. Значит, меч я должен был взять с собой, но зачем он мне нужен, неужели мне придется убивать. От этой мысли мне стало нехорошо. Я покинул мир лучезарных богов с одной целью, помогать людям. Но неужели для этого я должен убивать их? Я надолго задумался, жизнь человека была священной, как и любого живого существа. Мир, в котором я оказался, нуждался в помощи, демоны захватывали его все больше и больше. Порабощая души людей. Чтобы спасти их и этот мир я пришел. Но кто же мог подумать, что мне придется убивать? Пути назад не было, убив себя, я никогда не вернусь обратно, в мир небожителей. Каждый свой шаг можно сделать только однажды и нельзя вернуться обратно.

* * *

В тягостных размышлениях я ушел в нирвану, тело пребывало в оцепенении.

На третий день я увидел человека. Он появился из тумана, который окутывал пещеры. Это был служитель, он смотрел за священными пещерами.

– Я приветствую вас, – сказал он с почтенным выражением. – В этот день мне велено принести сюда одежду и еду.

Он положил мешок на землю, поклонился мне и ушел. Меня это удивило, значит, люди обо мне знают? И знали, когда я приду в этот мир, но почему он так быстро ушел. Я даже не успел поговорить с ним.

В мешке я нашел одежду и еду. Поев немного, я оделся. Конусообразная широкополая шляпа, которая защищала от ветра и солнца. Удобные мягкие сапоги, свободные штаны, рубаха из грубой ткани и темная длинная накидка. Вот вся моя одежда, она показалась мне странной, но удобной.

Моё тело постепенно наливалось силой, становясь все крепче и плотней. Я гулял неподалеку от озера, дальше мне нельзя было уходить.

Каждое утро из тумана появлялся человек, он приносил мне еду, но никогда больше не разговаривал со мной. Для него это было табу. Он кланялся и уходил.

Где-то здесь живут служители, особой группой. Они из поколения в поколение передают знания о пещерах. Это люди, посвятившие себя служению небожителям. Вряд ли кто-нибудь из них смог близко подойти к пещерам, только избранные могли войти в пещеры раз в полугодие, чтобы осмотреть сами пещеры, но они никогда не видели ни тех, кто был в пещерах, ни тех, кто вышел из них. В прошлой своей жизни я встречался с ними. Несколько человек заблудились в снежных горах. Я показал им, как вернуться обрат-

но, им удалось передать своим потомкам, знание о том, что в глухих и высоких горах живут люди. Так появились служители пещер, с начала они нашли оазис, а потом и пещеры. А так же наскальные рисунки, которые рисовал Лань, передавая в рисунках и символах свои знания.

Их служение пещерам и оазису не прошло даром. Через много поколений они так же будут служить пещерам, даже в том случае, если помощь пещер не понадобится. Их самоотверженность спасет мир, а нелегкая жизнь может быть примером для многих. Ни одна утеха жизни не прельщает их, служение есть жизнь, бескорыстная молитва – отдых.

Когда я покину это место, они запишут все на древнем языке, не будут ждать чуда, продолжая преданно служить безмолвным пещерам и своей вере.

* * *

Через несколько дней я ощутил свой дар небожителя. Энергия земли была со мной, и я мог управлять ей. Значит, для борьбы с демонами у меня будет мощное оружие. Меч был не только оружием, но и проводником для энергии земли.

* * *

Мне все больше и больше хотелось двигаться, тело приобретало все большую гибкость и наливалось силой. Я тренировался, поднимая камни и упражняясь с мечом, тренируя свое тело.

С каждым днем чувствовал все большую решимость, уверенность и силу. Сильнейшие потоки энергии проходили сквозь меня, наполняя меня энергией жизни. Я научился управлять энергией земли, чувствовать, видеть ее, и управлять ей.

* * *

Однажды, мне захотелось застать служителя пещер, врасплох и поговорить с ним, чтобы отблагодарить. Я спрятался на дереве, мимо которого он проходил. Но человек в этот раз обошел дерево, положил узел с едой на место. И ушел в противоположном направлении от меня. Он меня не видел, но чувствовал.

На следующий день я хотел подавить его волю, чтобы он не мог уйти от меня. Он сопротивлялся изо всех сил. Я пытался заставить его не уходить, но он шел, каждый шаг давался ему с великим трудом. Ему проще было повернуть ко

мне, нежели идти дальше. Но он упорно шел вперед. В этот момент я проникся уважением к этому человеку, он отдавал все свои силы физические и душевные, боролся из последних сил, но не сдался. Я мог еще надавить на него, но не стал – это могло сломать его личность. В знак уважения я передал ему силу, которая принесет ему здоровье и долголетие. Человек распрямился и пошел своей дорогой, даже не обернувшись и не затаив зла.

Но если такие люди живут в этом мире, то почему он оказался в опасности? Подумал я.

Кто – то из демонов дарует людям власть над стихиями природы. Цена такого дара велика. Кто – то из людей получает власть над стихией огня, кто-то над стихией воды или ветра, избранные повелители, сами того не зная, своей властью приближают этот мир к хаосу и уничтожению.

Я мог управлять энергией земли, чтобы бороться с другими повелителями, которые применяют свою власть во зло.

Я не был человеком, но выглядел, как человек, я пришел в этот мир, чтобы избранные, которым была передана власть над стихиями природы, не успели применить ее во зло, принести в этот мир хаос, и тогда демоны могут погубить и пожрать души живущих людей.

* * *

На следующий день я сам с великим почетом поклонился

служителю, это его весьма удивило. Он принес пустой узел, это означало, что мне пора покинуть это место. Теперь здесь меня не будут кормить, а моё пребывание здесь может быть губительным. Служитель поклонился мне и ушел.

В путь

Дальнейшая моя судьба была в моих руках. Каждый мой шаг и поступок, каждая моя мысль и действие влияли на то, смогу я помочь этому миру или нет. И как я встречу свою смерть, как победитель или как побежденный.

* * *

Горы казались мне бесконечными, я шел по еле заметной тропе, она вела к селению служителей. В само селение я не стал заходить и обошел его стороной.

Мое появление там, могло порушить многовековой порядок.

Само селение я видел издалека. В небольшом ущелье стоял монастырь из серо-желтого камня. Само здание было небольшим, я знал, что чуть дальше в горах есть еще и закрытый монастырь. Попасть туда очень трудно, и сам путь до него считается испытанием. Не только его, но и другие испытания выдержало всего несколько десятков человек, которые там жили. У всех у них были определенные способности. По своему велению они могли покидать свои тела, путешествовать по другим мирам и измерениям. В их воле было и то: возвращаться в свое тело или оставаться вне его. Само

тело сохранялось на протяжении многих веков, каменное и сухое, оно ожидало своего хозяина, если он не пожелал возвращаться обратно. В одно из таких тал пришел я.

* * *

Мне предстоял долгий путь. Покинуть горы, заснеженные верхушки которых ослепляли, было довольно трудно. Я знал направление, по которому мне следует идти. Там впереди стояли две горы, между ними пролегал единственный путь, выводящий из полукольца гор. Небольшое плато, по которому я сейчас шел, плавно поднималось вверх. Ночью я уже чувствовал холод и величие гор. Своим величественным молчанием они гордо высились над остальным миром, ничто не могло поколебать их спокойствие.

Здесь я прочувствовал энергию земли, земля была живой, но ее жизнь протекала совсем по другим законам. В ее недрах происходило развитие, но это развитие не было заметно для человека, слишком коротка была его жизнь. Своим внутренним взором я видел ее жизнь. Знал, происходит с землей, и так же хорошо видел, что лежит в ней. Земля обладала мощной энергией, как материальной, так и энергетической. В ее недрах бурлили огненные реки, происходило движение огромных масс, так же были и пустоты. Я все мог это видеть своим внутренним зрением. Но, самое главное я мог управлять энергией, которую вырабатывал этот огром-

ный организм. Я погрузился в единение с энергией земли. Она питала не только моё тело, но и духовные силы.

Так я мог пройти очень долго и без остановок. Темная накидка хорошо согревала и закрывала лицо и глаза от ветра и солнца. Меч висел под накидкой за спиной.

Я очнулся только когда начался спуск. Внизу виднелась долина, изумрудные луга были обширны, и с каждым шагом становилось все теплее. Спустившись в долину, я доел остатки еды и лег на траву, мой путь продолжался пять дней. И сейчас мне надо было основательно отдохнуть.

Начало пути

– Ты покинул священные горы. Но помни, этот мир очень жесток, в нем идет борьба добра и зла. Многие люди думают, что так было всегда. Но до начала времен не было этой борьбы, мирно существовали добро и зло, разрушение и созидание. Тьма не хотела поглотить свет, а свет не ослеплял тьму. Сделай все, чтобы остановить эту борьбу. Тогда добро будет добрым, а зло не будет причинять вреда добру.

Я проснулся, голос звучащий во сне, запомнился. Его нельзя было назвать только голосом отца или матери, творца или разрушителя, нечто большее и необъяснимое, безумно близкое.

Солнце только начало восходить, смена дня и ночи, света и тьмы, вот их мирное сосуществование. Но что же пробудило их к борьбе? Я надеялся на то, что день и ночь не будут бороться между собой.

* * *

К вечеру я нашел деревню. Небольшие хижины, разбросанные на равнине, казались малюсенькими. Я вошел в дом, который показался мне более добрым, вход в дом был открыт, в нем было темно.

– Здравствуйте, – сказал я.

– Вечер вам добрый, – ответил мне сильный мужской голос.

– Можно у вас попросить приют? Спросил я.

– Если человек ты хороший, то можно, а если злой, то лучше уходи, – ответил мне голос очень твердо.

Мои глаза привыкли к темноте, и я смог разглядеть хозяина дома. Это был крепкий человек небольшого роста. Он сидел за деревянным столом. Рядом с ним сидели его жена и дети, все они ели похлебку.

– Я не причиню вам зла, я странник.

– Садись, поешь с нами, – ответил хозяин. – А заодно расскажи, что видел, и как живут в других местах.

Я сел за стол, он был небольшим, но прочным. Женщина налила мне горячей похлебки.

Она, и трое детишек сидели молча, – они не боялись меня, полностью доверяя отцу и мужу.

– Мне нечего рассказывать, я недавно странствую, – ответил я.

– А как тебя зовут, и зачем ушел в путь?

– Меня зовут Шамо. Я пришел помогать людям.

– А кто ждет твоей помощи? – опять спросил хозяин дома.

– Пока что я не видел таких.

– И то верно, в этих краях немногочисленно, а сами мы живем неплохо и помогаем друг другу, как можем. Всей деревней живем одним трудом и одним хлебом. Меня зовут Лед, –

представился хозяин дома.

— Его нашли в снегу, — заговорила женщина. — Он был весь обморожен, родители оставили ребенка в снегах. Его нашли случайно. Несмотря на холодное имя душа у него теплая.

— Ну, не выхвалявай, Мел, не надо, — ответил Лед.

Я понял, почему женщину так называли — ее волосы и кожа была белой.

— А меня Олень звать, — сказал один из ребят, что постарше. — А это мои братья Камень и Барсук. А твое имя что значит?

— Оно означает то, что внутри, и то, что снаружи, и то, что посередине.

— Странное имя, — сказал Камень. — Вот у меня имя лучше, — похвалился он.

* * *

Мы поели и начали укладываться спать.

Было уже поздно, и ребята, расстелив солому на полу, быстро уснули. Мне, как гостю, предложили самое теплое место — рядом с маленькой печкой, она не столько грела, сколько защищала от дыма.

Поздно ночью я проснулся. И вышел из дома, двери которого были всегда открыты. Темная ночь окутывала свежим воздухом. Я слышал тихий стон боли, из-за которого я проснулся.

В темноте я увидел Барсука, он держался за голову, сидя на земле. Из его груди невольно вырывались стоны и плач.

– Уйди, – сказал он мне.

– Не бойся меня, я могу помочь тебе, только доверься мне.

– Не смейся надо мной, уходи.

– У тебя болит в груди и тяжело дышать, а иногда голова раскалывается.

Мальчик промолчал, всхлипывая. Я положил руки на его голову, он уснул.

– Твоя болезнь скоро уйдет, только терпи, дышать будешь свободно, и голова не будет болеть, – сказал я тихо. Отнес его в дом, и положил его рядом с печкой, все же там было теплее; через некоторое время его болезнь пройдет.

* * *

Утро начиналось очень рано. Мел преподнесла хороший сытный завтрак.

– Утром ешь на весь день, – пояснил Камень. – А ты у нас останешься или пойдешь дальше? – спросил он с детской непосредственностью.

– Если у вас есть работа для меня, или если я смогу вам помочь чем-нибудь, то я останусь.

– Мы сами справляемся, и с хозяйством по дому, и в работе в поле, ты хороший человек, если сам хочешь, оставайся, – сказал Лед.

– Спасибо, – ответил я.

После завтрака Лед и Камень пошли в поле, где работала вся деревня. Сейчас они сеяли зерно, а урожай делили на всех поровну. Мел и младшие дети остались, работы во дворе тоже было немало. Сначала я пытался чем-то помочь, но потом понял, что только мешаюсь, не успевая ни за детьми, ни за Мел, которая тоже была занята, но я ничем не мог помочь ей.

Между своими нетяжелыми обязанностями – покормить скот или принести воды, ребята еще успевали затеять всякие игры, которые иногда пересекались с работой. Мел работала складно и умело, все, что она делала, просто кипело у нее в руках.

– Мне лучше все сделать самой, чем что-то тебе объяснять, – сказала она. – Так будет быстрее.

Я понял, что в этом месте нет дела для меня. Нет, меня никто не выгонял. Но не здесь я должен быть. После полудня я ушел, горячо со всеми попрощавшись. Дружелюбные хозяева дали мне еды в дорогу. Пока я шел по деревне, мне встречались люди, никто из них не таил в своем сердце зла. Люди приветствовали незнакомого спутника очень дружелюбно. Среди них, живущих трудом и не злом, я не смог найти себе места. Это были те, кто жил именно той жизнью, имя которой было естество. Зло в этих краях никогда не сможет взять свои права на чью-либо жизнь, его здесь просто не было.

Я шел дальше, зная, что где-то есть люди, которые нуждаются в моей помощи. Знал, что где-то идет жестокая борьба добра и зла. Зло хотело завладеть этим миром, угнетая беззащитное добро и рождая в сердцах людей плохие качества. Поколение рождалось за поколением, и все меньше люди помнили свою прежнюю духовную обитель, все больше подвергались влиянию демонов.

Я хотел поскорее помочь им, поэтому не делал лишних остановок, только изредка спал и ел, а иногда шел и ночью. Энергия земли и всего сущего подпитывала мои физические силы, а моя воля была устремлена только на одно – уберечь этот мир от страданий ада.

Дни и ночи сменяли друг друга, свет и тьма проходили через меня, не замечая этой смены, я шел вперед. Встречая на своем пути только животных и проходя нетронутыми людьми полями и лугами, я не встретил ни одного человека. Все они жили намного дальше от священных земель, людей, не знающих греха и служителей пещер. Нескоро нога человека ступит в этих, еще нехоженных местах, и надеюсь, не принесет с собой разрушение, которое проникнет в естество природы и нарушит ее совершенство.

Звери и птицы не боялись меня, и я не трогал их, питаюсь дарами природы, иногда разводил костер и варил крепкие

настои из трав, которые подкрепляли мои силы.

Полностью погрузившись в окружающий мир, я пребывал в спокойном блаженстве. Свет внутри и снаружи, тьма внутри и снаружи меня были одинаковыми, я ничем не отличался от них. О пространстве и времени я не думал. Мысли, если и приходили ко мне, то были подобны облакам, легкие и не заботящиеся о чем-либо. Так продолжалось очень долго, а я все продолжал свой путь, пока не встретил людей.

Любовь в сердце твоём

Деревня, которую я нашел, была очень большой. Казалось, дома в ней мешали друг другу. Ее окружали обширные поля, их возделывало множество людей. Я видел, что мысли этих людей не сливались с их работой. Вот один пахарь возделывал борозду, но мысли его были очень далеко. Он мечтал о том, как не работать, как не делать тот труд, который тяготил его. Он занимался не тем делом, которое было ему по душе, из него вышел бы хороший лекарь, тогда он был бы счастлив. Я подошел к нему.

– День добрый, мне нужен ночлег – я странник.

Пахарь, увидев меня, остановился в изумлении. Моя одежда сильно отличалась от его, а черты его лица были совсем другими.

– Я помогу тебе, а чем ты мне поможешь?

– Вы не хотите так работать, я могу помочь вам.

Пахарь ухмыльнулся.

– А кто же хочет работать? Но все равно я не могу дать тебе ночлег, мой дом полон детьми и заботами, в нем нет места для чужих.

– А где я смогу найти приют?

Пахарь немного задумался, потом ответил:

– Вон видишь, гончар идет, спроси у него.

– Спасибо, – ответил я.

Пахарь что-то сердито пробурчал и продолжил свой труд.

Гончар шел с реки, он нес глину в корзинах, ему было тяжело, но он привык к тяжелому труду. Он был уже не молод, но крепок, как телом, так духом.

– Можно я помогу вам, – спросил я.

Гончар остановился и осмотрел меня.

– Кто помогает, тот ищет помощи, что тебе надо чужеземец.

– Мне нужен ночлег, я могу отработать.

– Бери корзину, – сказал он.

Я взял довольно тяжелую корзину и пошел за гончаром. На его спине была другая. Скоро мы пришли к его дому, по дороге люди оглядывались, но никто ничего не спрашивал. Люди провожали меня взглядами и продолжали заниматься своими делами.

– Кто ты и откуда, раньше я не видел таких людей.

– Я странник, я ищу тех, кому могу помочь.

– Другие сами о себе позаботятся, зачем помогать им?

– Да, ты странный, – гончар почесал лоб в раздумьях, принимать ли меня в свой дом или нет. – Ну, хорошо, можешь переночевать у меня, а там посмотрим, что с тобой делать, но запомни, если что, не шути со мной.

– Не бойтесь меня.

Мы вошли в дом через массивную дверь. В нем было очень просторно и светло. У стены стояла огромная печь, в которой гончар обжигал свои изделия. Здесь же стоял гон-

чарный круг.

– Спать будешь здесь, – сказал он.

Я посмотрел на него. Когда я увидел его в первый раз, то подумал, что он живет своей жизнью и именно той, которой хотел. Но это было не так, своим внутренним взором я увидел его жизнь. Его жена давно умерла, а сыновья жили не с ним. Я не стал спрашивать гончара о его семье, видя как он одинок. Даже после смерти те, кого любишь, остаются с тобой в мыслях и в сердце. Они приходят в трудные минуты и находят слова утешения. Гончар любил свою жену, но ее смерть очень отяготила его. Он стал болеть и бороться за жизнь, хотя раньше он просто жил, счастливо и радостно. Теперь же мысли о смерти тяготили его, болезни приходили одна за другой, а сил, чтобы жить, оставалось все меньше. Единственное, для чего он жил, это его труд, неповторимый и единственный, как спасение.

– Я помогу вам, – сказал я ему еще раз.

– Ты гончар?

– Нет, но я могу вылечить вашу душу. Вы не потеряли ее, она всегда рядом с вами, но вы не видите ее. Простите ей все, и она больше никогда не покинет вас.

– О ком ты говоришь? – спросил гончар изменившимся голосом.

– Я говорю про Аллин.

Лицо гончара покрылось изумлением, шок, который он испытал, открыл его душу, в этот момент он увидел рядом с

собой свою любимую, с которой он прожил всю свою жизнь. Он стоял неподвижно, не веря своим глазам.

– Мы давно не виделись, – услышал он давно знакомый голос. Слезы потекли по старым щекам гончара, он хотел было кинулся в объятия самого дорогого человека с рыданиями и скорбью. Я вышел из дома, оставив их наедине. Когда они простят друг другу все, гончар уже не сможет видеть ее, но всегда будет слышать ее голос и разговаривать с ней.

На улицу гончар вышел поздно ночью и подозвал меня. Теперь в нем не было закрытости и борьбы, он опять познал светлый вкус жизни и любви. Все, что его тяготило, осталось в прошлом. Он хотел поклониться мне, но я остановил его.

– Это я должен вам кланяться, а не вы, лучше накормите меня, мне предстоит долгий путь.

– Ты вернул мне любовь и жизнь, только сейчас я понял, что не жил до этого, как мне отблагодарить тебя?

– Любите и живите, это и есть ваша благодарность мне.

– Но теперь я не смогу жить так же, как и раньше.

– Сердце подскажет вам верный путь.

– И в моём сердце живет Аллин, – лицо гончара озарилось радостью. – Ты вернул мне все!

Он обнял меня по-дружески и крепко:

– Пойдем, я накормлю тебя.

Гончар расспрашивал меня о том, кто я и откуда. Но на свои вопросы он не мог получить точных ответов. Я не выдавал тайну своего появления. Счастливый гончар долго рас-

сказывал про свою жизнь. Потом он достал вина, но я от него отказался. Сам гончар выпил его почти все и тут же уснул.

Рано утром я ушел, гончар дал мне очень много еды, все еще не зная, как отблагодарить меня.

– Может, ты останешься? Спросил он.

– Нет, не могу.

– Тогда иди.

Мы попрощались, и я ушел. Несмотря на раннее утро люди в деревне уже проснулись и занимались своими утренними заботами. Но по-прежнему никто не окликнул меня, только провожали взглядами. Недоверие витало в воздухе. В этих краях мало кто кому доверял. Среди людей не было открытости и непосредственности. Здесь уже были семена зла, но скоро ли они прорастут? Но пока их жизнь была счастливой, зло еще не правило в этих краях.

В лесу я увидел охотников, они выслеживали зверей. Отряд из десяти человек охотился за раненым оленем. Животные убегали от человека едва заведев, здесь уже не чувствовалось величие природы, у нее был новый хозяин – человек. Но знал ли он, как быть хозяином природы. И куда это его может привести. Ведал ли он, что он сам дитя природы, и нельзя ему идти против своей матери.

Только через несколько дней пути по дремучему лесу с высокими многовековыми деревьями я почувствовал зверей и птиц, они без страха и с любопытством смотрели на меня. Солнце почти не проникало сквозь листву, прохладная

тишина почти никем не нарушалась. Здесь я немного задержался, меня привлекала тишина леса, его величие. Дрему-чий лес, который мне так понравился, подпитывал меня какой-то легкой энергией, едва уловимой. И я с великим сожалением вышел из него.

Открытая местность и луга встретили меня солнечным водопадом. Вдали я увидел широкую реку, противоположного берега я не видел. Я решил идти вниз по течению. Около ее берегов должны жить люди. Пока я шел, я ни о чем не думал. И только потом что-то остановило меня еще в одном лесу.

Остановка в лесу была для меня необходимостью, мне нужно было немного освоиться в этом мире. В священных пещерах все моё мировосприятие было другим, после встречи с людьми во мне что-то изменилось, и пришли новые знания. Мне нужно было время, чтобы все усвоить. И теперь на пути к людям у меня был новый опыт и знания, которое я мог применить.

Первая битва

Я опять шел очень долго и без остановок, энергия земли и всего сущего пронизывали меня, не задерживаясь, энергия земли слилась с моим телом. Так я не чувствовал усталости. Все, что меня окружало, я ясно видел, воспринимал, пропуская через сознание, ничто в нем не задерживалось. Я воспринимал только лишь движение энергий внутри себя. Иногда их течение понемногу затухало, иногда захватывало моё сознание, но я оставался непричастным к этому.

К вечеру поднялся сильный ветер, ночью меня застал сильнейший ураган. Он продолжался почти всю ночь, затихнув только под утро. Я спрятался от него у огромного дуба, он рос посреди поляны, почти одинокий из деревьев, но величественный и старый.

Равнинная местность хорошо освещалась солнцем. Внезапный сильный порыв ветра чуть не сбил меня с ног – опять начиналась буря. Порывы ветра становились все сильнее и сильнее. Мне негде было теперь спрятаться. Я чувствовал на себе энергию надвигающейся бури. Ею кто-то управлял, кто-то, в чьей власти было управлять ветром. Я решил подавить волю этого человека, но она была довольно сильной, сила ветра мешала мне сконцентрироваться. Я достал меч и воткнул его в землю. Сейчас он был проводником энергии земли, к которой я взывал. Я призывал энергию земли к се-

бе, и она притягивала меня, ступнями ног я понемногу уходил в землю.

От ветра дышать становилось все трудней, но это я замечал только краем своего сознания, полностью погрузившись в энергию земли.

Я стоял прямо, держась двумя руками за меч, он вместе со мной понемногу погружался в землю, моё сознание уподобилось куску отполированного дерева, тело пронзала энергия земли, я направлял ее в основание меча, скапливая у своих ног бледно голубой массой. Она удерживала меня на месте. Когда ее стало больше, я окутал себя невидимым коконом энергии, теперь все ветки, камешки, и все то, что поднимал сильный ветер, были для меня не страшны.

Я был прикован к земле, ощущал ее своим телом и сознанием. Всю мощь ее недр и глубин, весь ее вес и размер. Все, что происходило в ней и за ее пределами. Я закрыл глаза и отдался своей власти над землей, слился с ней воедино. Когда я открыл глаза, я был готов сразиться со своим врагом, он был уже не очень далеко от меня.

Огромный смерч следовал за ураганом, он двигался зигзагообразно, но я знал, что мы встретимся именно на этом месте, там, где у моих ног плескалась энергия земли. Ветер стих внезапно, наступила зловещая тишина.

Я наблюдал движение смертоносного исполина. Он пожирал все, что попадалось на его пути, то, что не мог разрушить ураган, прибирал в свое чрево он. Извиваясь от неба до зем-

ли, он приближался, чтобы поглотить меня, так же как и все вокруг.

Я стоял неподвижно, во мне не было ни страха, ни сомнений, ничего, кроме силы земли, которой становилось все больше и больше. Меч на две трети ушел в землю. Я стоял в земле почти по колено. Внезапный и сильный порыв ветра пытался свалить меня с ног — я стоял неподвижно, скорее осознавая, что происходит, нежели видя и слыша. Незаметно для себя я вышел за пределы пространства и времени, я стал не подвластен законам физического мира.

Ветер поднялся вновь, но теперь это было приближение смерча. Прямо на меня летел ствол огромного дерева, он тяжело перекашивался по земле, быстро приближаясь ко мне. На нем остались только самые толстые ветви. Это был тот самый дуб, под которым я вчера переночевал.

Я измерял пространство и время своими чувствами, видел все со стороны. Ветер все усиливался, он смог поднять ствол дерева выше, от столкновения с которым нас разделяло меньше секунды.

Короткий взмах меча, я освободил немного энергии земли, направив ее на дерево. Ствол разлетелся на мелкие щепки, я даже не услышал взрыва, все моментально унес с собой ветер.

Смерч был совсем рядом, предметы, которые он поднял с земли, подлетая ко мне разлетались на мелкие куски, разрушенные невидимой энергией земли, что окружала меня. Я вздохнул в последний раз и с выдохом направил мечом энергию земли в центр смерча, в его основание.

Я увидел, как из земли вырывается энергия, которую я освободил, и тут все замерло. По центру воронки до небес поднялась бледно-голубая энергия. Смерч раскололся, потерял свою направленность и сфокусированность, разлетелся ветром в разных направлениях. Все утихло, рядом с собой я увидел воронку. И тут услышал взрыв, оглушительный. Взрыв от столкновения двух сил природы. Взрывная волна, казалось, могла разрушить само время. Я остался стоять на месте, не будучи подвластен в своем состоянии законам физического мира.

Вокруг стало тихо, очень тихо, я понемногу приходил в себя, ко мне возвращалось человеческое сознание. Ноги почти по колено увязли в земле, я с трудом вылез из нее. Обессиленный, я лег на землю. Призывая все те энергии, что выпустил из себя перед битвой, и заснул.

* * *

Пробуждение было болезненным. Я опять стал подвластен пространству и времени, законы физического мира вновь обрели для меня смысл. И сейчас мой организм пытался принять их, и те энергии, от которых я ранее освободился. Энергии и способности, обычные для человека, с болью для меня возвращались в моё тело. Я не мог впустить их все и сразу. После пережитого мне нужно было время, чтобы оправиться от взрыва и битвы.

Встреча с рыбаками

После битвы со смерчем во мне многое изменилось, теперь я по-другому смотрел на себя и свои возможности. Я думал, много ли людей в этом мире обладают такими возможностями, и как они используют свою власть. Но то, что смерч хотел погубить меня, не было сомнений, я ясно чувствовал намерения человека, который управлял им. От этих дум меня отвлек плот, который плыл вниз по течению, на нем были люди. Несколько рыбаков возвращались домой с уловом, я ждал их на берегу. Увидев меня, они удивились.

– Кто ты? – спросили они.

– Я странник.

– Много вас тут странников, как тебя зовут?

– Меня зовут Шамо.

– Куда же ты странствуешь?

– Я иду к людям, которым нужна помощь.

– Всем нужна помощь, – ответил другой рыбак, – кто позвал тебя, и как ты можешь помочь?

– Меня никто не звал, я сам пришел, ибо не ведаете вы, что делаете. Не видите за внешним внутреннее. Потерялись среди вещей и теперь сами служите им, вместо того чтобы повелевать ими. Не познав себя, познаете мир – делая ошибки. Потеряв свет, ищите его в темноте.

– Ты верно говоришь, мы ищем свет, когда темно, изучая

мир познаем себя, а вещами восхищаемся, – ответил рыбак, его звали Перта.

– Но вы ищете свет в темноте, а не там, где светло. Не познав себя, как можете познать что-либо еще? Если не знать, откуда вы, то как узнать, где вы? А за вещами и роскошью забыли, зачем родились.

– Ты верно говоришь, но непонятно. Кто же ищет свет, когда светло? Кто познает себя, не зная, в каком мире живет. Кто может, восхищается собой, не видя красоты окружающего.

– Вы действительно потерялись, – ответил я тихо.

Рыбаки ушли, я не знал, идти за ними или нет. Никто из них не понял, о чем я говорил, никто из них не помнил себя до рождения, и забудет после смерти. Жизнь любого из них будет подобна огню, загорится и погаснет, не оставив ничего, разве что последствия своих деяний. Но что они могли бы оставить? Детей и жен, плоды своих трудов, если они хорошие или злые. А что я могу оставить после себя? Я знал, зачем пришел в этот мир, но не знал, как и кем покину его. Что я успею сделать, и как смогу помочь людям. И смогу ли?

Я все же пошел за рыбаками. Мне захотелось узнать, почему они потеряли себя, ведь рыбаки, как и пахарь, занимались не тем трудом, к которому тянулись их души и сердца. А жизнь, что приносила им испытания и радости почти тяготила их.

– Если ты идешь за нами, то помоги нам.

Петра дал мне мешок с рыбой, он был довольно тяжелым, рыбак очень сильно хромал.

– Почему ты хромаешь? – спросил я.

– Это моя судьба, – ответил Петра и немного улыбнулся.

* * *

Поздно вечером мы пришли к лесу. Оказалось, что деревня находится очень далеко, и идти туда еще один день. Развели костер и начали готовить еду. Мы сидели около костра, ожидая похлебку.

– Меня зовут Крюс, – сказал другой рыбак. – А, ты, почему странствуешь?

– Такова моя судьба. Зачем вам столько рыбы, ведь вы не сможете ее съесть.

– Зато накормим других, а они накормят нас.

Я посмотрел на этих людей и увидел, что каждый из них счастлив по-своему. У каждого из них было свое счастье, особое и неповторимое.

– А вы не видели в своих краях что-либо странное, огонь и смерчи не бушуют в ваших краях, или вода не исчезает в колодцах, – спросил я.

– То, о чем ты говоришь, нам неизвестно. Но много у нас и других невзгод.

– Что же вас омрачает?

– Вот у меня нога болит, и не могу я работать сколько

надо.

– А то и еще разбойники налетят, тоже печаль и убытки. А они и убивают, не глядя.

– Разбойники, а много ли их?

– А кто ж их знает. В темноте в лесу нападут и все. А то и на деревню набегут, спалят все, и поминай, как звали, а мы живем.

– И часто они приходят?

– Частенько. Но ты не бойся, если повезет, в лесу встретимся с ними.

– Подальше бы такое везение, – подхватил другой рыбак.

– Вот мы сейчас сидим, а кто знает, может, и деревни нашей нет уже.

– Замолчи, а то вот я тебя сейчас, – громко сказал Петра, своему товарищу.

Я посмотрел на Скула. На лбу и щеке виднелись старые шрамы. Он не раз бился за жизнь своих близких, но проиграл. Он не смог защитить своего старого отца, мать и сестер от разбойников. Он сумел выжить, но не смог найти себе близких людей, боясь опять потерять их. Оставаясь один, он ничего не боялся, ему нечего было терять. Его самоотверженность не раз помогала людям. Он уже давно искал смерти, но в его глазах была жизнь. Что удерживало его по эту сторону бытия? Он не жил для себя, всякий раз он пытался сделать так, чтобы другие не вкусили ту же судьбу, что и он, каждый раз он готов был отдать свою жизнь за других.

– Часто ли ты дрался, – спросил я Скула.

– Да приходилось, – ответил он.

– Если надо, он сражается, как бешеная собака, а когда его прижали трое, он один остался жить.

– Помолчи, – тихо, сказал Скул, видимо подобные воспоминания были ему не по душе.

Мы поели, уха была вкусной и сытной. Перта и Скул остались настороже, остальные легли спать.

– А ты чего не спишь, – спросил меня Скул.

– Я тоже не буду спать.

– Это еще почему. Тебе завтра нужно нести мой мешок, раз ты вызвался помогать. Не выспишься, плохо будет.

– Мне не нужен сон, а вы можете спать.

– Эй вы, дети малые, сами не спите, другим дайте, – услышали мы сонный и недовольный голос.

* * *

Чтобы не уснуть, мы играли в игру, особого смысла в ней не было. Камешек передавался из рук в руки по жребию. Владелец камня мог дать тумака любому из игравших. С такой игрой невозможно было уснуть. В самом начале я получил четыре тумака, довольно ощутимых. И никак не смог отыграться. И если сначала игра показалась мне скучной, то потом я вошел в азарт.

Эта игра придала чувство братства, мы молотили друг

друга без обид. Потом я смог отыгаться, когда мои соперники по игре начали немного засыпать, в этот момент можно было завладеть камнем. Под утро нас сменили, и мы немного поспали.

По лесу мы шли с мрачным настроением, рыбаки боялись нападения. Я слился с энергией земли, она поможет мне почувствовать опасность. Через некоторое время я понял, что за нами следят семь человек. Они шли на большом расстоянии от нас. Я ничего не говорил рыбакам. Мы пробирались очень медленно сквозь чащу леса и старались не шуметь. Потом я ощутил еще пятерых разбойников, они были впереди. От рыбаков исходил страх, видимо, мы проходили самое опасное место.

Мы остановились на небольшой полянке, чтобы передохнуть.

– Что-то здесь не так, – сказал тихо Скул.

– Семеро разбойников идут за нами, пятеро ждут впереди, – сказал я.

– Откуда ты знаешь? – удивленно, спросил Перта.

– Я чувствую их, они хотят заманить нас в ловушку, будут гнать как зверей.

– Может, ты один их них? Спросил меня Скул недоверчиво.

– Нет.

– Там впереди есть овраг, – сказал Скул, – может спрячемся там?

– Там они нас и ждут, порежут как котят, – сказал Перта.

– Нам надо оставаться здесь, на открытом месте, пока мы вместе – мы вместе, и нам нельзя расставаться, – сказал Скул.

– Это верно, – сказал я, снимая накидку и доставая меч. Я ни разу не доставал его после битвы со смерчем. Я вынул его немного из ножен, меч сверкал на солнце, и ясно виднелась гравировка на древнем языке. «Свою судьбу, проклятие, бери с собой». Рыбаки тоже доставали свое оружие – топоры, молот и палица.

– Хороший меч, откуда он? – спросил Скул. – Если выживем, отдашь его мне?

– Нет, не могу, это моя судьба, – ответил я.

– Тяжелая у тебя судьба, но красивая.

Мы положили мешки с рыбой. А сами стали кругом. Я слился с окружающим миром, ясно осознавая, что в нем происходит. Я знал, как бьется сердце каждого из тех, кто рядом. Я так же хорошо ощущал, как к нам подходило пятеро разбойников. Двое из них побежали за овраг, сказать своим, где мы остановились.

Я почувствовал панику от одного из разбойников, это был юноша, он не доверял своим товарищам. Страх перед битвой сделал его душу открытой. Я увидел их намерения.

– Стрелы, – сказал я. – Они пустят в нас стрелы. А если мы пойдем в лес, разобьют нас поодиночке.

– Черт бы их побрал, если я увижу хоть одного из них,

загрызу зубами, – сказал Скул.

– Прячьтесь за мешки, иначе не выживем, – сказал я.

– Среди нас нет трупов, никто не станет прятаться.

– Тогда никто не выживет.

Наступило молчание, я услышал свист стрелы, она пролетела высоко над нами, ее древко горело. Это был сигнал к нападению. Я чувствовал, как двое лучников в лесу натягивают тетиву луков, прицеливаясь.

– Ложитесь, – сказал я голосом, которому трудно было не повиноваться. Достал меч из ножен и воткнул его в землю, встав на одно колено. Пролетело еще две стрелы, одна из них попала Скулу в руку. Рыбаки прятались за мешками, озираясь по сторонам, в надежде увидеть хоть одного из нападающих. На месте их останавливало только одно – быть вместе.

Я собирал энергию земли, она скапливалась у меча невидимым светло-голубым шаром.

Рыбаки иногда поглядывали на меня с удивлением, но ничего не спрашивали, они не видели энергии земли. С оврага прибежало еще семеро разбойников. Сейчас было самое время проявить свою власть. Резким движением меча я направил энергию земли в лес. Она вырвалась из-под власти меча, неся смерть и разрушению всему, что попадется на ее пути. Несколько деревьев разлетелось в щепки, другие были повалены. Энергия земли разрушала все на своем пути, иногда выкорчевывая деревья с корнями. Разбойников завалило огромным дубом, они оторопели от страха. Рыбаки онемели

от удивления.

– Можете мстить, – сказал я им вставая с колен.

Рыбаки не заставили себя ждать, они опрометью кинулись в лес. Я не пошел туда. До меня доносились звуки битвы. Грабители пытались спастись, но месть была слишком долгожданна. Люди мстили за свои разрушенные судьбы и жизни близких, было кому мстить и за что.

Они вернулись, в крови и уставшие.

* * *

– Теперь вам нечего бояться в этом лесу, – сказал я.

Рыбаки не подходили ко мне близко. Немного отдышавшись и отдохнув от битвы, они не могли преодолеть страха перед тем, что увидели.

– Не бойтесь меня, я пришел, чтобы помогать тем, кому нужна помощь. Вы рассказали мне, где есть зло, я помог вам. Вы живете своим трудом и страдаете из-за других. Поэтому ищите свет в темноте, а не там, где светло. Не можете познать себя, потому что не знаете, где живете, гонитесь за вещами, потому что трудно они вам достаются. Если бы не было разбойников, вы бы не преумножали зло своей местью, жили счастливо и складно. Теперь живите, как живете, но завешаю, не творите зла, а если кто из вас и увидит недоброе, то пусть не отворачивается. И знайте, что доброе сердце и открытая душа всегда сильнее, чем любое зло. Тем более

что вы вместе.

– Верно говоришь и понятно.

Они вместе подошли ко мне и поклонились с благодарностью. Я тоже поклонился им.

– Что будешь делать ты, Перта, теперь тебе негде будет искать смерти.

– Я не знаю, все равно придут другие.

– Не придут, в этом лесу будут жить духи, они будут охранять вашу деревню.

Худое лицо Перты стало задумчивым.

– Мы его женим, и детей ему наделаем, – сказал Скул, рассмеявшись.

– Ну, с этим я и сам справлюсь, – смущенно сказал Перта.

– Но кто ты, и что это было? – спросил Скул, показывая на поваленные деревья.

– Я странник, а это моя воля. И если увидите кого, ребенка или старца, мельника или плотника, кто может огонь проявить или водой управлять, дайте мне знать, просто зовите меня, и я приду.

– Хорошо, так и сделаем.

Рыбаки решили здесь же и отдохнуть, но теперь их отношение ко мне изменилось, и если раньше они просто не доверяли мне, то теперь я стал для них спасителем.

Они были готовы служить мне, а я не мог объяснить им, что я слуга их. Они пытались достать лучший кусок рыбы для меня. Я смотрел с сожалением на них, потому что пой-

дуг они за всяким, кто властен. Если бы они видели себя и знали, кто они изначально, никто не смог бы повести их за собой. Но не в моих силах было показать им свет, не в моих силах было объяснить им, что только они боги, пока живут на земле.

Когда мы поели, я наслал на них сон. Никто из них не дежурил ночью, это было впервые для них. Лицо Перты оказалось почти детским во сне. Пока он спал, я мог взять на себя его одиночество и страх перед потерей близких людей, теперь он не будет бояться любить. А когда придет в деревню, найдет свое счастье. Суровое и широкое лицо Скула было серьезным. Он не обращал внимания на рану, стрела не задела кости, а кровь давно остановилась. Здоровье его было отменным, дома его ждали жена и дети. Мне нечего было дать ему, его жизнь была полной и счастливой.

Даже сон не мог снять с лица молчаливого Крюса маску боли. Его нога неправильно срослась после перелома, единственное, что я смог сделать, чтобы боли в ней были меньше. Воля этого человека была железной, и ее уж точно ничто не сломит, а трудности только закалят. Именно ему я передал дар. Если Перта найдет свое счастье в любви, Скул – в простой жизни рыбака, то Крюс пойдет по своему пути, и дар ему поможет. Очень скоро он начнет лечить людей, он сможет брать болезни на себя и потом побеждать их, но до этого ему нужно будет пройти долгий путь.

Немой рыбак с обезображенным безумием лицом спал

глубоким сном, я не стал возвращать ему голос, я дал ему знание о том, что он нормальный человек, несмотря на видения, которые к нему приходили. Он видел духов и жителей других миров, они не могли скрыться от его взора. Теперь он не боялся их, и мог общаться с ними, накапливая духовный опыт.

– Живите по зову сердца, если что, просто обращайтесь ко мне, и я помогу вам.

Так я попрощался с рыбаками, пока они спали. И пошел дальше. В темноте леса я увидел духов. Это были души разбойников, терзаясь в мире материального, они не могли покинуть его. Исполняя свой долг, защищать мир от зла и демонов, которые могли повергнуть их в ад. Это было их искуплением за свои поступки. Они будут здесь, пока не искупят свою вину.

Художник

Лес кончился, впереди были только луга, я начал замечать, что растения и погода здесь были немного другими, чем у святых гор. Здесь было намного теплее, а растений намного больше. Казалось, солнце в этих краях светило ярче.

Красивый мир, глубокое голубое небо и зеленая трава, все это было красивым и неопишущим. Просто видя это, не нужно было более ничего, но почему люди редко замечают красоту этого мира? Что заставило позабыть их эту красоту, что пробудило в них злость и ненависть? Только лишь взирая на великолепие мира, они могли бы простить и понять очень многое. Но они отвернулись от своей матери – природы, забыли свой дом, и теперь приближаются к аду. А там уже не будет ничего подобного. Не будет этой первозданной красоты, и некому будет ее возродить. А если она и останется, то никто не сможет замечать ее.

Через несколько дней пути я пришел в город. Дома, сложенные из темных камней, и множество людей, которые все спешили куда-то. Людей в городе было очень много. Разных сословий, богатые и бедные, никто из них не был подвластен самому себе. Никто из них не знал себя, не мог проявить себя в полной мере. Даже если человек трудился всю жизнь, но не нашел, не обрел себя, его труд будет бесполезным.

Здесь я увидел то, что поразило меня, и я понял, насколько

ко мне будет трудно что-либо изменить. Никто из людей не знал, зачем живет. Ни один из них не делал того, для чего был рожден. Каждый человек неповторим, и у каждого свои таланты, но если человек не реализует свой потенциал, он мог бы и не рождаться, потому что жизнь его будет никчемной.

Я смотрел на людей и поражался, ведь все они несли в себе свет, не видеть который невозможно, но никто из них не проявлял этот свет, отдавая себя тьме. Мне больно было смотреть на них. Живя, они страдали, но жизнь – это дар, великий и единственный. Мало кто из них жил, в счастье и спокойствии. Почти все, предавая свой дар, обрекали себя и других на большие страдания. И потом я понял, что люди бояться показать себя, они боятся быть неповторимыми и пытаются быть, как все. Свет внутри не угасал и пытался выбраться наружу. И чтобы погасить его, люди прибегали к утехам и наслаждениям, разрушая свое здоровье и приближая смерть. Для многих из них смерть казалась единственным спасением от этого света. Другие люди шли на поводу себе подобных, совсем ничего не различая и не понимая. Они могли убить, украсть или сделать зло, совсем не задумываясь, что будет дальше, что был отнят дар великий – жизнь.

Я пытался попросить ночлег, но, едва поняв, что у меня нет денег, меня прогоняли. Приют я нашел поздно ночью. Ветхий дом, дверь которого открыл худой человек.

– Можно попросить у вас приют, на одну ночь?

– Мне нечего предложить вам, я беден.

– Я не ищу богатств, только крышу над головой, и более ничего.

Человек с впалыми щеками пропустил меня в дом. Маленькая лучина едва освещала его.

Стол и скамья, на которой спал хозяин бедного дома, были единственными в комнате.

– Мне даже негде уложить вас. Я очень беден.

– Но почему вы так бедны? – спросил я.

– Судьба моя такова.

– Вы сами хозяин своей судьбы.

– Я не могу делать то, чего хочу. А когда делаю то, что мне не по нутру, у меня ничего не получается.

– А что вы хотите делать?

– Я делаю вот это. Он показал мне желтый лист бумаги. Я взял рисунок и долго разглядывал его в свете лучины.

На нем с удивительной добротой была нарисована девушка.

Она печально улыбалась, как будто сожалея о чем-то.

Потом я поймал себя на мысли о том, что мне хочется смотреть на рисунок, он пленил своей красотой, в нем не было ничего лишнего, только добро и красота.

– Я нарисовал ее такой, какой запомнил.

– Но она не умерла.

– Для меня умерла – тихо ответил художник.

Он достал бутылку крепкого вина.

– Я хранил ее очень долго. Пришло и ее время, – сказал он, открывая вино.

Я лишь немного пригубил терпкое вино. Художник, который осушал вино довольно быстро, хмелел все сильнее. И с каждым разом его душа открывалась все больше. Если раньше я видел в нем бедняка и страдальца, то теперь передо мной сидел творец.

Он показал мне еще несколько своих рисунков.

– Это мой самый первый.

Я смотрел на раскидистое дерево, мощная крона и ствол, корни глубоко уходили в землю, рядом с ним стоял человек, сначала я подумал, что это карлик.

– Его рубили пять дней, когда его срубили солнце исчезло, положенный день и ночь была тьма, и только потом появилось солнце, но я уже не видел света в сердцах.

Художник протянул мне другой лист.

Множество людей с лицами, словно маски, поклонялись богатому баю с жирным слащавым лицом обжоры, который смотрел на голодных и восхвалял свою власть и себя.

– Это князь, он пришел в наши края внезапно, он богат, и у него много людей и оружия. После его прихода я не увидел ни одного человека, только маски.

На следующем листе была нарисована смерть, она протягивала свои цепкие руки к тем, кто не носил масок.

– Он убивал тех, кто не был ему повинен?

– Да, – тихо ответил художник. – Некоторые сами не хо-

тели жить.

Я понял, что среди них были его друзья и близкие.

Следующий лист показывал худого и изнеможенного человека, лицо без маски, обезображенное горем и бедой. Ужас и боль были в каждом штрихе рисунка. Человек полулежал на земле не в силах сопротивляться, он был готов к смерти, если бы не взгляд полный решимости и затаившейся любви, еще живущей в нем.

– Это я после смерти тех, кто был рядом. Я пять лет не рисовал, а потом получился такой рисунок. – Художник протянул мне лист.

На том же человеке была маска, в глазах скорбь и печаль, и удивление от того, кем он стал.

– Тогда я потерял веру в людей и проклял тот мир, в котором живу, для меня не было света, только лишь тьма. И когда я рисовал тени, я не бедствовал, рисунки покупали. Я захотел рисовать свет, мне надоели тени, мне надоел сумрак нелюбови и ненависти ближнего, я не мог жить в сумраке и рисовать его, тогда я сбросил маску. Но рисунки мои не покупали, они не находили ответа в сердцах людей.

Потом мой дом сожгли, а мне пришлось поселиться в этой хижине, где нет света даже для художника. Я стал попрошайкой, потому что не мог найти в себе силы рисовать ужас мира, в котором живу.

Не мог найти в себе силы, чтобы убить себя. Я был близок к той, что приближает к себе тех, кто без масок. – Художник

немного помолчал. — Не очень давно я увидел ее. Она шла по улице, по которой и я ходил. Она дышала воздухом, которым и я дышал, она шла по земле, по которой и я шел. Увидев ее, я не мог поверить глазам своим, но была это не смерть, а жизнь и моя любовь.

Художник протянул мне первый рисунок, который я уже видел, я еще раз посмотрел на него и поразился той разнице, что теперь увидел в этом рисунке.

Добро и любовь против смерти и горя. Один рисунок о любви поражал все рисунки о страданиях.

— Почему она не с тобой?

— Она выбрала другого.

— Как ты это пережил?

— Одно спасение — я рисовал ее. У меня не было денег на бумагу и краски. Я не ел иногда целыми днями, но я рисовал ее углем на стене, на песке, а потом она умерла в моём сердце. А я живу, и не знаю, для чего и кого. Но эту смерть, похоже, я и сам не смогу пережить. Такая пустота внутри... — Он не договорил, надолго задумавшись.

— Рисуй свет, — посоветовал я.

— Он тут никому не нужен.

— Просто его никто не видит.

— Но у меня нет ничего. С этими словами он откинулся назад, разводя руками. Я посмотрел в его глаза: скорбь, печаль и отчаяние, но где-то там затаилась любовь.

— У тебя будет бумага и краски, сколько захочешь.

Я не буду рисовать.

– Ты не сможешь не рисовать. Однажды найдя себя, невозможно уже более потерять себя.

– Я потерял все, свою любовь, близких друзей, деньги.

Ты не потерял себя, ты смог снять маску – это главное. То, что внутри тебя не подвластно потерям и смерти.

– Но зачем я живу?

– Чтобы рисовать свет, и только тот сможет его нарисовать, кто познает, что такое тьма.

На глазах художника навернулись невольные слезы.

– Не терзай мою душу, ты, странник, и завтра ты уйдешь, а я останусь.

Останусь, чтобы жить, а я этого так не хочу. Все это время я хотел убить себя, но так и не смог, я очень слаб, а когда встречу свою смерть, буду повинен.

– Ты будешь счастлив оттого, что живешь, я не уйду, пока не помогу тебе.

* * *

Я уснул прямо на полу, на лавке спал пьяный художник, уже в который раз он топил свою не жизнь в крепком вине, не видя, насколько близок выход.

Рано утром я пошел искать работу. Художник еще спал, а я не стал будить его.

Пустынные улицы города были спокойны. Я побродил немного по городу, чтобы осмотреться. Со временем людей становилось больше, в основном торговцы, они шли на рыночную площадь, чтобы занять свои места и успеть побольше продать. Вслед за ними просыпались ремесленники и слуги.

Я не знал, где найти работу. Рядом с рынком была бойня, мясник разделывал мясо, я поспешил отвернуться от вида крови и убийства животных. В другом доме пекли хлеб, но здесь я ничем не мог помочь, не знал как. Походив еще немного, я увидел плотника, его работа меня заинтересовала.

– Можно у вас поработать? – попросил я.

Плотник измерил меня взглядом.

– Что ты умеешь делать, ты – подмастерье, нет, слишком стар для него, но и не мастер, значит, у тебя нет ни рук, ни головы, ты мне не нужен, уходи.

Слова плотника задели меня, я хотел ответить ему, но не стал, это было бесполезно, действительно я не знал, что и как надо делать и только лишь мешал бы ему.

В следующий раз я был более осторожен, и сначала смот-

рел, что делают, а потом спрашивал. Кожевник долго думал, нужен я ему или нет.

— Если хочешь, я могу обучить тебя, но это долго, да и не совсем ты молод, тебе надо идти стражником.

— Стражником? А куда?

— К нашему князю. На службу, там хорошо кормят и почти ничего не надо делать.

— А как туда устроиться?

— Нужно поступить в его армию.

— Нет, это не для меня.

Я ушел от кожевника еще больше разочарованный. Мне очень не хотелось возвращаться к художнику с пустыми руками, я ведь обещал ему помочь, но оказалось, это не так-то просто. После полудня я прошел почти весь город, и его жители уже знали меня. Некоторые спрашивали, нашел ли я свое место или еще нет. Я лишь уныло покачивал головой.

Я вышел из города, и вдалеке я увидел мельницу, в ней я еще не был. Мельник был молодым парнем. Мельница досталась ему по наследству, но он уже знал, что и как делать. Его учили с малолетства.

— Скоро мне привезут много зерна, его нужно смолоть. А для этого нужно поднять мешки наверх, на мельницу. Если справишься, то хорошо отплачу.

Я очень обрадовался, у меня даже не спросили, что я умею, а что нет. Пока работы не было, я осматривал мельницу. Она была большой, и по деревянной ветхой лестни-

це мне надо было перетаскать зерно наверх. Когда приехало несколько повозок с зерном, я сразу принялся за работу. Сначала мешки показались мне не очень тяжелыми, потом, по мере моей усталости они становились все тяжелее и тяжелее. Деревянные ступеньки скрипели под моими ногами. Поздно вечером меня накормили.

– Ты молодец, Выносливый, работал за двоих, вот тебе и вознаграждение.

Мельник дал мне деньги, несколько монет, я не знал, много это или нет.

– Спасибо, я приду завтра.

– Конечно, приходи, здесь еще много работы для тебя.

Обратно я шел уже в темноте. Но все-таки смог купить хлеба у булочника и молока.

– Я вижу, ты нашел себе работу, – сказал булочник, принимая монеты.

– Да, на мельнице.

– Ну, конечно, и что же я, старый болван, не догадался тебе раньше об этом подсказать.

– Я завтра туда еще пойду. Я не успел перенести все зерно.

– Видно, ты хороший человек, – тихо сказал булочник. – Знаешь что, бери хлеб так, без денег.

Я удивился и поблагодарил булочника. Несмотря на мою усталость на душе стало хорошо.

Обратно вернулся довольно поздно, уставший, но довольный от проделанной работы. Художник сидел в комнате, он

посмотрел на меня с удивлением и непониманием. В глазах – всё то же отчаяние. Я положил на стол хлеб и кувшин молока, и деньги.

– Вот тебе еда и деньги.

– Я не достоин твоей помощи, уходи. Я прогоняю тебя.

– Я уйду, но сначала разделю наш хлеб.

Я отломил ломоть хлеба и протянул его художнику, налил молока ему и себе.

Он долго смотрел то на меня, то на хлеб и деньги.

– Откуда ты, никто из этих мест не мог так поступить.

– Я пришел издалека.

– Есть ли там счастье?

– Оно там в каждом.

– А любовь? – в его голосе слышалось недоверие и вызов.

– Она там правит всем.

– Забери меня туда.

– Никто не сможет привести тебя туда, только ты сам сможешь прийти. Это долгий путь и трудный, не все доходили.

– Если ты не хочешь взять меня, никчемного, с собой, покажи хотя бы, куда мне идти?

– Завтра вечером я покажу тебе верное направление, а идти по нему или нет, это твое личное дело.

Художник ничего не ответил, взял хлеб и начал есть.

Очень рано утром я опять был на мельнице, и теперь разгрузил остальные повозки с зерном. В полдень работы уже

не было.

– Шамо! Иди сюда!

Когда я услышал свое имя, меня передернуло. Никто еще не назвал меня по имени, несмотря на то, что я не скрывал его.

– Садись с нами поешь, – сказал молодой мельник. Я сел за стол, за ним сидели младшие братья и сестры мельника. Они остались без родителей, но сами хорошо справлялись с хозяйством. Других работников на мельнице не было, и я понял, как сильно облегчил их нелегкие жизни своим трудом.

– Оставайся с нами. Предложил молодой мельник.

– Нет, не могу, – сказал я. Я странник, и это моя судьба.

Вскоре опять приехали повозки. Работы было много.

* * *

– Я больше не смогу прийти к вам, – сказал я вечером. – Мне надо идти, я покидаю город.

Мельник щедро расплатился со мной.

– Все равно приходи, я буду ждать.

– Прощайте, – ответил я.

По дороге домой я купил бумагу, она оказалась очень дорогой, и краску. Художник встречал меня, немного смутившись, он был рад увидеть меня и в то же время не хотел.

– Вот твой путь туда, где счастье и любовь, остальное ты знаешь сам, – сказал я, кладя на стол бумагу и краски. – Все

остальное у тебя есть.

Он долго смотрел на бумагу, не веря глазам своим, а потом упал на колени и горько заплакал, я не смог утешить его. Успокоившись, он долго молчал.

– Твой дар я не смогу принять.

– Мой дар тебе – это всего лишь два дня моей жизни, и я прожил их не зря.

Вся моя жизнь это служение вам, людям.

– Тогда, как отблагодарить тебя?

– Иди своим путем, не надевай масок и не пей много вина.

Когда увидишь свет и добро, не отворачивайся, когда увидишь зло и насилие не отворачивайся.

– А любовь?

– Я не знаю, выберет ли тебя женщина или останешься один, но знаю точно, свет в твоих рисунках никогда не померкнет, даже когда их поглотит тьма, они рассеют ее.

– Но этот свет никому не нужен. Повторил художник.

– Он никому не нужен, потому что его никто не видит, а потом все придут к нему.

– Как ты даровал мне надежду, так и другие увидят этот свет?

– Да. Как ты не принимал мой дар, так и другие не будут принимать твой, но ты не останавливайся. Помни, если пройдешь свой трудный путь, не пожалеешь об этом.

– Буду помнить и не забуду. Но ты сам, куда пойдешь один?

– Туда, где ждут помощи, иду к тем, кто не ведает себя.

Ночью мы очень долго говорили с художником, наутро я ушел в полном спокойствии за его судьбу и деяния. Возможно, через много лет его творения помогут кому-нибудь увидеть свет во тьме.

Город провожал меня равнодушным спокойствием, мне казалось, что в нем уже нет жизни, только пустое движение, которое ни к чему не приведет. Только когда я вышел из него и забрался на холм, оглянулся и осмотрел неровные крыши домов. Один художник не сможет изменить жизнь других людей. Но если кто-нибудь в его рисунках увидит что-то незабываемое, что-то доброе и полное любви, жизнь его не будет напрасной. И мне припомнились люди, с которыми мне довелось встретиться. Такие разные и непохожие. Почему они завидуют друг другу, почему бояться быть собой, за чем враждуют и ненавидят, но ответа у меня не было.

Смерть Бая

Я шел по неширокой дороге, по ней иногда возили повозки, местами она поросла травой. Луга сменились лесом, дорога все так же виляла. Не очень густой сосновый лес иногда оживал от ветра. Я очень мало видел животных, они боялись человека.

Впереди я услышал шум, из-за поворота мне навстречу двигался обоз.

Его возглавляли вооруженные воины. За ними – телеги с поклажей. В середине обоза несколько человек несли роскошные носилки. Позади несколько десятков воинов замыкали процессию. Я чувствовал их настороженность остановкой. Они явно боялись нападения.

– Отойди с дороги, неужели ты не видишь, что шествует владыка земель, по которым ты идешь, – закричал глашатай.

Я отошел в сторону, пропуская обоз. В носилках сидел бай, которого я видел на рисунке. Когда наши взгляды встретились, в глазах бая я увидел испуг и страх. Он что-то прошептал одному из своих слуг.

Когда обоз проехал, ко мне подбежало несколько вооруженных воинов.

– Велением нашего господина ты должен следовать с нами, – сказал один из них уверенным голосом.

Я осмотрел их, молодые люди нанялись солдатами, не

зная, как прокормиться у власти бая.

– Я не пойду с вами, – ответил я спокойно.

– Тогда нам приказано убить тебя.

– Повиновение или смерть, – сказал я тихо. – Я пойду за вами.

Меня окружили и взяли под пики, так под конвоем я шел за обозом бая.

На опушке обоз остановился, чтобы отдохнуть и привести себя в порядок перед въездом в город.

Меня подвели к баю, он не слез с носилок, восседая на троне. Красное и толстое лицо с маленькими глазами лоснилось от жира.

Я подивился схожести рисунка, который мне показывал художник, и оригинала. Даже люди, что нас окружали, казалось, носили одну и ту же маску.

Бай долго разглядывал меня, ничего не говоря. А во мне закипала ненависть к нему, о которой я даже не подозревал.

Смотря в его глаза, я видел жизни и души тех людей, судьбы которых он покалечил, я видел, как он отнимал у матери ребенка, у земледельца землю, у нищего хлеб. Как он отнимал жизни и убивал просто так. Как он сам, лично, шел к власти, предавая и убивая. И глядя на все это, чувствовал я, что уже не осталось во мне ничего человеческого.

Бай не выдержал моего взгляда и отвел глаза. Я смотрел на него, пытаюсь найти в нем хоть немного прощения и сожаления.

Но в его теле не нашлось ни того, ни другого, только где-то далеко был голос, который твердил одно: Это моё! моё! моё! Моё, всё моё!

И, похоже, ничто не могло остановить этот голос.

– Убейте его, – сказал бай солдатам, что окружали меня.

Но ни один из них не шелохнулся, я подавил их волю, приказав стоять на месте.

– Кто хочет убить, тот будет убит, но перед смертью своей знай, что за деяния свои поплатишься сам, за жизни других поплатишься сам, и ничто не сможет спасти тебя, – услышал я свой голос.

Глаза бая вдруг стали большими, он хотел что-то сказать, но не успел, он умер от боли и страданий тех людей, кому он их причинил, не выдержав и десятой части их.

В обозе начался переполох, заметив смерть бая люди вдруг стали ссориться из-за его вещей и богатств, я увидел алебарду, нацеленную на друга.

– Остановитесь! – сказал я. Мой голос слышали все. – Вы люди, и недостойно вам сеять смерть и убивать друг друга, нет больше над вами власти, кроме как вашей свободы. Не надо вам из-за вещей и внешнего ссориться и браниться, идите по домам и всем расскажите, нет больше причин для ненависти и страхов, нет больше страданий ваших и боли. Живите, как подобает людям, и не предавайте себя злу. А если и предали, то сами ее искупите. Творите добро, и ничто не сможет поработить вас. Прощайте и помните.

Я пошел своей дорогой. В обозе люди опустили мечи и плахи, и за многие годы посмотрели друг на друга, сняв маски, без ненависти и зависти. Сложили свое оружие и сожгли вместе с баем.

Смерть великого и сильного князя была радостной для людей. Я же оплакивал тех, кто пошел за ним, предавал свою жизнь его власти, пусть сейчас они и освободились от нее, но почему не нашли в себе сил сопротивляться? Ведь одно сопротивление его власти с самого начала сломило бы его слабую волю, а сам по себе бай был слабым и никчемным.

А никчемность бая без его власти была понятна всем, поэтому люди и надевали маски, чтобы выжить. Теперь, испытав на своем опыте его власть и волю, они вряд ли смогут совершить зло, и все вместе будут жить мирно и счастливо.

Поздней ночью, когда я укладывался спать на раскидистом дереве, мне вспомнились слова художника: «Куда ты пойдешь, один». Да, я был один, и чем больше пребывал в этом мире, тем больше находил разницу между собой и теми, кто живет в нем. Не было никого, кто был подобен мне, но не было никого, с кем я мог найти понимание. Все они жили по-другому, у людей были свои заботы и радости, я прекрасно понимал их, но в то же время я надеялся найти в них что-то подобное себе. Живя среди них и помогая им, хотел найти что-то общее между нами, но находил все меньше и меньше.

И сейчас, лежа на ветви дерева, которое меня приютило, я осознавал, что нет для меня места в этом мире, кроме как

служения людям. И не мог я найти большего счастья среди них, кроме того, как служить им и вести их к свету, не принуждая при этом ни к чему. И в то же время я видел, как они счастливы, не все, но единицы. И у каждого счастье, свое и неповторимое. Но такое общее и земное, которое не дано ни одному из богов или ангелов.

Звезды, которые просматривались сквозь листву, говорили мне: – Не надейся, но верь, не зная, понимай. А меч, на который я опирался, лежа на дереве, напоминал мне о другом. – Свое проклятье, судьбу бери с собой.

Уснул я нескоро, долгожданное забытие так и не приходило.

Кузнец

Огромный город, встретил меня равнодушно, в нем не было места покою и радости. Люди, не знающие себя, жили, словно во сне. Не воспринимая свои жизни, не зная, что делают и зачем родились. Они работали и отдыхали, но работа не была им в радость, потому что не шла от сердца, а обязывала. Рожденный плотником пахал поле, крестьянин продавал хлеб, кузнец был мельником. Жизнь здесь не была естественной, с малолетства ребенку прививали те или иные качества, не давая понять ему самому, что ближе к его сердцу, и чем бы он хотел заниматься. Поэтому время здесь правило всем. Идя на работу и выполняя свои обязанности, человек ждал, когда же закончится день, ждал заката солнца, не радуясь прожитому дню, не видя жизни, живя на земле. Он спешил прожить день, чтобы вечером отдохнуть от тяжести работы, что была не по нутру. Вставая рано утром, человек проклинал жизнь и судьбу, и опять спешил прожить свой еще один день. Так жили многие, как будто и не было у них разума и веры, и все знали, что придет к ним смерть, и все боялись ее, не зная, зачем живут, почему умирают. И больно мне было смотреть на них. Ведь рожден каждый для счастья и любви.

Я искал себе приют, проталкиваясь сквозь толпу людей на рыночной площади. Торговцы кричали во все горло, пытаюсь

перекричать друг друга, расхваливая свой товар. Я вышел с рынка на маленькую улицу. Дома, сделанные из шлака, почти соприкасались серыми неровными стенами. В некоторых из них были мастерские: ткачи, плотники кузнецы, работали в них с упорством, думая только об одном, как сделать больше, быстрее. Подмастерья и мастера занимались своими каждодневными обязанностями. Некоторые из них были счастливы в работе, другие нет, но они не могли уже изменить свою судьбу. Среди них было мало тех, кто реализовал себя посредством работы, тех, кто был счастлив просто от того, что живет, и не гнался за вещами и властью. Наконец я нашел кузницу, она находилась на окраине города. Я смотрел, как кузнец с мощными руками бил огромным молотом по наковальне. Раскаленный металл слушался его, казался мягким. Увлеченный работой кузнец не сразу заметил меня.

– День добрый, – сказал я.

– Добрый, – сказал кузнец, оглядывая меня. – Что привело вас ко мне, странник.

– Увидел, как вы повелеваете вещами, металл, что тверд и крепок становится мягким и слушается вас.

– Ну, то моя работа, а мягким он становится от огня, мастерство мне передал учитель мой, а слушается меня, потому что ведаю, что делать.

– Ну, что подсказывает вам, что и как надо делать?

– Сам не знаю, никогда не думал об этом, ведать ведаю и знаю, что да как, а откуда, мне неизвестно.

– То от сердца идет.

– Возможно. Но что вам нужно?

– Нужен мне приют на ночь. Я отработаю.

– Не ищешь ли ты дом свой? Счастья не пошел ли ты искать вдали от родных земель? Поскитаешься и домой вернешься, там и счастье обретишь.

– Дом мой в сердце моём, счастья для себя не ищу, другим помогаю.

– Чем и как помогаешь тем, к кому придешь.

– Ведать, чем и как помочь – ведаю, но откуда, я не знаю.

– Ну, что же, помощь мне твоя не нужна, но приют тебе я дам.

– Спасибо.

Я осматривал кузницу. Разные изделия и украшения висели на стенах или полках, многое еще не было доделано, творец ждал вдохновения, как придет к нему, то сможет он вдохнуть душу свою в творение свое. Как создатель вдохнул душу свою в людей. И будет кузнец, грязный и изнеможенный работой тяжелой, богам равен, и будут завидовать боги ему. А люди другие будут восхищаться изделиями его и уверуют, что от бога дано, и сами в бога уверуют.

– А мечи и оружия почему не вижу я?

– Не по мне.

– Так почему, ведь и платят за него больше, и всегда работа есть.

– Не по мне, – сказал кузнец твердым голосом. – А коль

пришел за этим, то уходи, не делаю я мечей и ножей, и приюта тогда не проси.

– Меч есть у меня, что скажешь о нем. Кто его сделал.

Я достал меч, что висел под накидкой и подал кузнецу. Он достал его из ножен и долго осматривал.

– Если противен он тебе, то попробуй сломать его, – сказал я.

– Не знаю, кто и как сделал его, и сталь мне неизвестна, хороший мастер сделал его. И ломать его не буду, жалко. И если будет он направлен на врага, то повержен будет он. Раз пришел помогать ты людям, то кто враг твой?

– Сам не знаю кто, от того и меч сломать хочу, раз получится, не придется мне убивать других.

– Не буду я ломать его, даже если и пришел ты за жизнью моей, работу мастера великого пожалею, а коль дан он тебе с рождения, то избавишься после смерти.

Поклонился я кузнецу, и глаза мои затмили слезы. И слезы мои были от услышанной истины.

– Вы редкий человек, таких немного осталось в этом мире, как могли сохранить душу свою чистой, а разум холодным оставить ко всему искушению?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.